

Рос. муз. газета. - 2002. - № 1. - с. 8

КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ

Не секрет, что любое расследование, является ли оно государственным, проводимым соответствующими органами в рамках установленной законом процедуры, или частным (журналистским и ему подобным), должно основываться только на фактах, которые позволяют установить наличие или отсутствия каких-либо обстоятельств, причастность лица к их наступлению, а также иные существенные данные.

Опубликованная в 2001 году издательством «МАКС Пресс» книга А.А. Локшина «Гений зла (частное расследование)» представляет собой попытку расследования «операции по дискредитации» композитора Александра Лазаревича Локшина, проведенной органами НКВД в 1949 году. Автор, профессиональным математиком, двигало благородное стремление снять с отца, выдающегося композитора, сложившееся в общественном мнении обвинение в сотрудничестве с органами госбезопасности и причастности к арестам невинных граждан. Какими же средствами оперирует автор расследования и насколько они достоверны?

Что сразу же бросается в глаза и неприятно поражает с первых страниц, это - язвительно ёрнический и порой оскорбительный тон повествования. С одной стороны, повышенная эмоциональность расследования вполне понятна - речь все-таки идет о близком человеке. Однако поскольку автором заявлено именно расследование, то и языком его должен стать язык документов, высказываний свидетелей и непосредственных участников событий. Иначе, что и произошло в рассматриваемом нами случае, читатель получает информацию, не относящуюся к описываемым фактам и запутывающую и без того невнятную логику расследования. Неуместны иронические реплики автора в адрес математика и литературного критика Анатолия Якобсона, претенциозны комментарии к радиопередаче о творчестве Локшина; явная неприязнь к музыковеду Игорю Карпинскому вообще переходит все грани приличия - волей авторского воображения последний представлен «злым гением» семьи Локшиных!

Нелепыми выглядят придиришки А.А. Локшина к отдельным неточностям в высказываниях участников описываемых событий. Например, когда автор неумеренно горячо утверждает, что И.А. Шостакович всего один (а не несколько) раз приезжала за записью сочинений Локшина (с. 49). Весьма неубедительным выглядит и такое высказывание: «...Я решил... написать о некоторых событиях, произошедших со мной, но прямо или косвенно связанных с моим отцом, в надежде, что его фигура нарисуетса сама «в отраженном свете». Трудно себе представить, чтобы доказывание каких-либо обстоятельств было основано на описании других фактов, только косвенно связанных с первыми.

Собственно доказательства, на основании которых выстраивает защиту А.А. Локшин (по стилю и тону она больше походит на обвинение), представляются странными. Более того, некоторые из них не только не подтверждают позицию автора, но и отчасти ставят ее под сомнение. Так, в приведенной в приложении справке Управления регистрации архивных фондов ФСБ РФ отмечается, что каких-либо сведений и документальных материалов в отношении Локшина А.Л. в архиве не имеется. Это, увы, свидетельствует только о том, что таких данных нет именно в архиве, что не исключает их возможного (подчеркиваю, возможного) нахождения в каких-то иных структурах ФСБ. Не имеет никакой силы и приведенный рассказ о визите в 1989 году двух таинственных следователей, сообщивших, что Локшин не причастен к арестам В.И. Прохоровой и А.С. Есенина-Вольпина: нет их фамилий; неясно даже, из каких «органов» они явились.

В связи с достаточно скудным документальным обоснованием все усилия потрачены на выстраивание умозрительной математической

модели, по которой, как кажется автору, и был оклеветан его отец. Достоверность, а главное - доказательственную силу этой модели может оценить каждый читатель, не обязательно обладающий юридическими познаниями. Достаточно упомянуть, что ее основу составили не конкретные факты, а косвенные источники: диссидентская литература, цитата из письма М.В. Юдиной, выдержка из статьи о В.И. Прохоровой и справка из Центрального архива ФСБ. Но главное не это. Трудно поверить, что в условиях очередного витка массовых репрессий, в связи с рядовым (для конца 40-х годов) делом карательные органы проводили столь сложную, многоходовую комбинацию по дискредитации композитора, чье общественное положение не было значительным и чье имя было известно только узкому кругу профессионалов. В это можно было бы поверить при одном условии: если бы органы госбезопасности планировали какую-нибудь провокацию с «антиправительственным заговором советских композиторов». Однако, насколько можно судить по имеющейся литературе (и к счастью для отечественной музыки), таких планов не было.

У А.А. Локшина был значительно более простой и очевидный путь проведения частного расследования - без построения совершенно ненужных схем, без вольного или невольного оскорбления участников рассматриваемых событий и описания большого числа фактов, не имеющих никакого отношения к расследованию (скажем, упомянутая радиопередача о Локшине, а точнее, ее взвинченная интерпретация, вообще не относится к делу). Жива и здравствует непосредственная участница событий, послуживших толчком к расследованию, - Вера Ивановна Прохорова. Не честнее ли было бы автору (или по его просьбе - доверенному лицу) взять у Веры Ивановны интервью, изложить ее собственное видение того, что произошло пятьдесят лет назад, а потом дать взвешенный, основанный на фактических данных комментарий? Тогда и было бы соблюдено неперемное условие всякого расследования - объективность.

Минувший век для России был отмечен страшными испытаниями и деформациями. Не избежала их и правовая система страны. В вышедшей в 2000 году книге В.Н. Кудрявцева и А.И. Трусова «Политическая юстиция в СССР», в частности, описан механизм уголовного судопроизводства. Так, в период террора в качестве свидетелей в массовом порядке использовались осведомители, лица, запуганные угрозой объявления их «врагами народа». Свидетели в суд, как правило, не вызывались. В целях неразглашения имен осведомителей уголовные дела передавались на рассмотрение особого совещания, «троек» и «двоек». Оперативная работа сливалась со следствием, а агентурные материалы имели статус судебных доказательств.

Нельзя не учитывать и других обстоятельств. Сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших с органами, осуществляющими разведывательную, контрразведывательную и оперативно-розыскную деятельность, отнесены к государственной тайне. По Закону РФ «О государственной тайне» срок засекречивания таких сведений не должен превышать 30 лет, в исключительных случаях может быть продлен.

Все это сказано не для того, чтобы подтвердить или опровергнуть мнение о причастности замечательного композитора Александра Лазаревича Локшина к трагическим событиям полувековой давности. Точка в данном деле вряд ли будет поставлена в ближайшее время. Речь идет о том, что предельно точно выразил Игорь Карпинский в передаче о Локшине: «Выяснение...каких-то социальных... характеристик - это дело, видимо, определенных органов, а другое дело - исследование его музыки».

Андрей Аполлонов,
кандидат юридических наук